

Евгений Голубовский

Наедине со Вселенной

Имя Владимира Леонидовича Стрельникова в каталогах, статьях о его многочисленных выставках чаще всего определяют – «один из создателей одесского нонконформизма». Вроде бы все правильно. Но я бы выделил слово – *один*. В любой группе, с друзьями, тем более с врагами, он всегда был сам по себе, в поисках *своего* пути...

Страшно подумать, не то что написать – мы знакомы шестьдесят лет. Когда Рита и Саша Ануфриевы привели меня к себе домой, на ставшую потом легендарной квартиру по Осипова, 9, первым, с кем меня познакомили, был художник Володя Стрельников.

Худой, как бы состоящий из многих углов, ироничный...

Свои картины показывал Саша Ануфриев. И тут было все понятно – фантастическая энергия, соревнование с Пикассо – кто кого перепикассит... Это было талантливо и весело, это обещало неожиданные продолжения.

Тогда же в доме Ануфриева я увидел одну небольшую картину Стрельникова.

Закрываю глаза и помню. Синяя, глубокая синяя экспрессионистская композиция. Какой-то, как мне показалось, разрушенный мир на глубинах океана. Потом эту работу купил коллекционер Илья Беккерман, она долго висела у него на Садовой. Может, и сейчас висит на стене квартиры в Нью-Йорке.

Какой будет следующий шаг после этой динамичной, агрессивной картины, трудно было даже представить. Оказалось, что дальше будет совсем другой Стрельников, причем, начавшись в шестидесятых, найдя свой путь, он останется верным ему навсегда. С экспрессионизмом он расстался, не жалея.

Привел меня к себе домой Володя, чтоб показать библиотеку деда Андрея Ивановича. Было на что посмотреть. Я бы сказал, библиотека человека, стремившегося к знаниям. Немного философии, классика русская и зарубежная. Книги по самым разным ремеслам.

Дед Володи был преподавателем гимнастики и каллиграфии, вот такое необычное сочетание, в реальных училищах. В доме были небольшие этюды южнорусских художников. Да и сам дед рисовал. Так что у Володи тяга наследственная.

Но начиналось, как ни удивительно, не в Одессе. И вновь-таки в связи с Сашей Ануфриевым.

Владимир Стрельников родился в Одессе в 1939 году. Отец его и дед по отцовской линии работали на заводе Январского восстания. Когда в 1941 году завод отправили на Урал в тыл, с заводом послали и отца, и деда.

А Володя, мама, бабушка оставались в оккупации. Лишь в 1947 году смог вернуться домой отец. Работы в Одессе не находил по душе, по заработку и подписал контракт на работу в Советскую Гавань. С ним уехала семья.

Именно в Совгавани и встретились, познакомились, подружился Володя Стрельников и Саша Ануфриев. Семья Саши была из Москвы, отец – тоже инженер, но дирижаблестроитель, также приехал по контракту.

В 11-12 лет в школе в одном классе оказались Володя и Саша. Пошли к Ануфриевым домой, а там сестра Саши вышивала крестиком. Завидно? Безусловно. И друзья тоже учились вышивать, затем рисовать.

Смерть Сталина разлучила мальчишек. Ануфриев уехал с родителями в Москву, Стрельниковы собирались в Одессу. Но тут у Володи произошла первая встреча с советской властью. И сейчас он не знает, почему, но отпускать их не хотели, чекисты пришли с обыском к отцу... И все же отпустили в Одессу.

Не только в плохих романах бывают неожиданные встречи. И в жизни такое случается. Так вот в 1957 году на улице в Одессе встретились Саша Ануфриев и Володя Стрельников. Как раз после фестиваля молодежи в Москве приехал, вдохновленный выставкой, Ануфриев, фронт, стилига. А Володя, закончив 10 классов, пошел учеником токаря на завод. Не мог решить, что делать дальше.

Ануфриев растормошил. Показал свои рисунки. Вновь вместе начали рисовать. И вдвоем поступили в художественное училище.

Учились недолго, хоть педагоги были замечательные – Любовь Осиповна Токарева-Александрович и Дина Михайловна Фрумина. Но угнетала муштра. И первым сбежал Стрельников, вслед за ним Ануфриев... Так начинали самостоятельную жизнь в искусстве.

Тогда я и познакомился с ними. Тогда и пришел в дом Володи.

Дома Стрельников показал мне свои тушевые рисунки. Это были пейзажи тихих улочек. Декоративные. Изысканные. Необычайно трудоемкие.

Мне казалось, что это медитация. Может быть, молитва в графике. Молчаливая, но искренняя.

– Хочу решить эти вещи в цвете, в масле, но еще не знаю, как, – говорил Володя.

А вообще, он говорил в те годы мало.

Ануфриев был говоруном, рассказчиком, заводилой.

Стрельников молча слушал, улыбался, изредка смеялся. Но если вставит в разговор фразу, то всегда по делу, точно, иронично, порой зло. Мне казалось, что его реплик боялись. Хоть все это было дружески, но уже волчата резвились.

В компанию пришли Валерий Басанец, Люда Ястреб, Витя Маринюк, Валя Хрущ, Слава Сычев... Иногда прибегал Люсик Дульфан, заходил Женя Рахманин... Первые и образовали неформальный круг, который с легкой руки Люды Ястреб, написавшей на одной из своих картин NON, позднее назвали нонконформистами.

А где-то в 1965 году, когда я уже бросил работу в конструкторском бюро, пришел в редакцию «Комсомольской искры» Владимир Стрельников, показал первые картины из цикла «Молдаванка». Тогда в газете открыл я его первую персональную выставку.

Он действительно нашел свой путь – от медитативных рисунков к пастозной, мощной живописи.

В основе лежала любовь к примитиву – от Нико Пиросманишвили до таможенника Руссо, в основе была добрая улыбка, мягкость, человечность.

Какими были пейзажи советской эпохи? Индустриальные. Мажорные. Как песни, что строить и жить помогали.

Воля Стрельников у своего пейзажа. Шестидесятые годы. Фото Ильи Гершберга

Какими были пейзажи Стрельникова? Домашними, лирическими, без буйной яркости, а чаще монохромные.

И эти пейзажи пришлись по душе технической интеллигенции. Состоялась выставка пейзажей Стрельникова в квартире Аллы и Вити Шевчуков в Театральном переулке, мне представляется, первая квартирная выставка, на которую ходил «весь город».

После этой выставки в коллекции Сергея Луцника появился пейзаж с магазином «Хлеб», у меня – «Лазарева, 8».

Но самое важное, что на художника обратили внимание молодые силы творческого союза – Ацманчук, Власов, Токарев, Егоров. А Межберг, которому предложили участвовать во всесоюзной молодежной выставке, взял у Стрельникова один из пейзажей «Молдаванки» и отвез вместе со своей работой в Москву. Обе картины приняли на выставку. Более того, у Стрельникова картину государство купило.

Ах, какой скандал возник в одесском союзе! Кто его приглашал? Не член! Даже не в молодежной секции! Как всегда, здравый смысл победила зависть. Но для «нонконформистов» это было подтверждением правильности пути...

Стрельников и Ануфриев и сами проложили себе дорогу в Москву. Познакомились с авангардными мастерами. Стрельников был у Оскара Рабина. Их эстетические программы были схожими. Побывал в доме Костаки, где увидел, пощупал – не в репродукциях, а в оригиналах – выдающиеся произведения русского авангарда начала века и потрясающую коллекцию северных икон.

Все это отзовется в его творчестве.

Но Москва оказалась важным пунктом в осознании своей идентичности. Именно там Стрельников встретился и познакомился с художниками Макаренко и Феодосием Гуменюком, предложившими участвовать в выставках украинского авангарда.

Казалось бы, у Андрея Антонюка, у Юрия Коваленко куда ярче звучит народная, украинская составляющая. Но инициаторы выставок считали главным иное – мы авангардисты, и мы из Украины, а значит, представляем ее мировому сообществу. Их логика оказалась верной.

Но эта же логика привела к тому, что именно за Стрельниковым начали следить в КГБ.

Началось это после квартирной выставки в Москве, в доме Володи и Аиды Сычевых. Именно там заявила о себе украинская группа. Свои работы показали Стрельников, Сазонов, Макаренко и Гуменюк.

Стрельникову откровенно угрожали. По сути, его вынудили уехать по израильской визе, по липовому приглашению – других путей тогда не было.

Как рассказывает Володя, перед отъездом с ним «по-отечески» беседовал генерал КГБ. Предупреждал, что на Западе художника ждет конкуренция...

Так и оказалось. Но именно к этому стремился художник.

Помню его картины этого периода. Формально это были еще пейзажи. Но максимально упрощенные. Формула пейзажа. Мы всегда, рассказывая о живописи, стараемся опереться на что-то уже виденное, известное. Я бы посоветовал вспомнить Моранди... От него шаг до Мондриана... И этот шаг Стрельников сделал.

Хоть сам он говорил, что наибольшее влияние тогда на него оказал Филонов. Это увлечение пришло на смену погружению в иконопись.

Так что все корни были здесь. А логика жизни заставляла уехать.

Вначале осел на год в Вене. Там появились меценаты. Затем переехал в Мюнхен.

А украинские газеты уехавшего художника поливали грязью. Продал родину... Мне и тогда хотелось спросить: а кто купил? А ощущал ли себя в родной Одессе художник тогда на родине? У кого спросишь?

В те годы отъезды казались прощанием навсегда. Кто мог предугадать приход Горбачева, гласности, перестройки? И вот уже в эти новые времена мы с женой Валентиной Голубовской поплыли по Дунаю до крайнего порта в Германии – Регенсбурга.

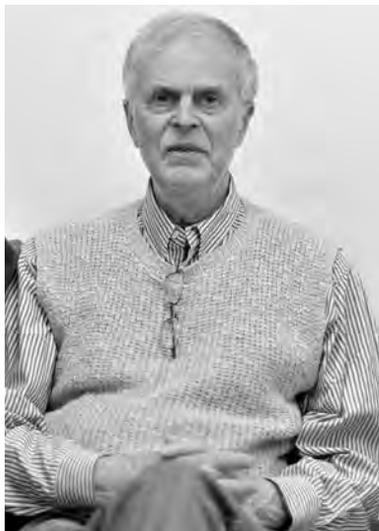
Так вот, там мы не остались любоваться природой. За нами в Регенсбург на машине приехал Стрельников, и сутки мы провели в его доме в Мюнхене.

Удивительный диссонанс. Шумный яркий город с потрясающими музеями, а там экспрессивный Явленский, абстрактный Кандинский, декоративный Кордовский и тихий, чуть даже сказочный домик, где живет Стрельников. Это дом отца его жены Мирры, одного из руководителей украинского издательства в Германии. Комната Володи функциональна, проста, минималистична.

И новая живопись – небольшие тихие, строгие, продуманные абстрактные композиции.

Продолжение той медитации, которая была и в его одесских рисунках. Но ему уже не нужна натура, он пишет не то, что видит, а то, что чувствует.

Релаксация художника становится релаксацией зрителя. И если ты настроишься на ту же чувственную волну, то вместе с мастером погрузишься в тишину.

Владимиру Стрельникову – 80.
Фото Олега Куцкого

Вот там и тогда я для себя сформулировал смысл его пути – он наедине со Вселенной.

В обыденной жизни, конечно, есть встречи, знакомые, коллекционеры. К примеру, дружил с галеристкой, внучкой знаменитого художника Рубо – Сильвией Рубо, в Мюнхене жил Сазионов, живет Наумец. Но это все вне мастерской. А переступив порог, вступив в территорию своего творчества, он разговаривает только с Богом.

В последние годы Владимир Стрельников многожды бывал в Одессе. Здесь его друзья. Да и город не стал чужим. Сравнивает. Что-то нравится, что-то огорчает.

И графику показывал в Одессе, реже – новую живопись. И в коллекции его новые работы покупали, а старые, шестидесятых годов, ищут, даже подделывать стали, а это говорит о востребованности.

Восемьдесят лет для художника – возраст мудрости. С удовольствием перечитываю интервью, что дал Стрельников для «Смутной алчбы». И мудрость его не только в словах, но и в поступках, в спокойном, как всегда ироническом восприятии всех новаций в искусстве, в понимании того, что одновременно могут существовать авангард и трансавангард.

Одесский ли художник Стрельников? Безусловно. Но и украинский, потому что это его выбор. Но и европейский, потому что весь нонконформизм изначально стал явлением европейской культуры.

Работы Владимира Стрельникова с выставки
в Музее современного искусства Одессы. 2020 год

